

Е. АНИЧКОВ

Последние побеги русской поэзии

<...>

Все мы переживаем не только революцию, но и возрождение. В этом сложность и трудность задач нашего времени. В этом наша слабость, но тут же и наша надежда. Возрождение с его личным началом, с его стремлением к наслаждениям, с национальным самосознанием, возрождение с его дерзающей вырвавшейся из традиционной условности моралью, возрождение с его широтой вопросов, философских и научных — вот что заблестало, и вот что мучает мысли, и мечется ум, вот что мешало беззаветно сосредоточиться на политическом освобождении. Мы захотели сразу одним ударом и освобождения духа этого возрождения — *Sturm und Drang*'а¹, и 1789 года и даже 1793². Всего, всего возжаждал пробудившийся гений русского народа, возжаждал..., и, может быть, и надорвался; и только позже более последовательно и по плану построит он свой натиск.

<...>

В эпоху возрождения торжествует и повелевает и еще один принцип поэтики Горация: *ut picture poesis*³. Этот принцип и разрешает антиномию Красоты вымысла и Слова правды, борющихся между собой в святом поэтическом творчестве. Как только сказано: *ut picture poesis* — поэзия, что живопись, так тотчас же перестает тяготеть над поэзией. Слово и она, освобожденная от своего великого назначения, вся отдается изображению, она ближе сходится с живописью, она стремится дать наслаждения и не боится этого своего назначения, не дрожит перед теми чарами красоты, которые она создает.

<...>

Эту черту современного художества понял и отметил Вячеслав Иванов, когда он говорил, что поэт теперь ближе к живописцу, чем к литератору. Именно ближе. Необходима стала новая классификация. Кузмин принадлежит к школе Сомова и Александра Бенуа⁴, Городецкий и Ремизов — к школе Поленовой, Рериха и Билибина⁵. Только тому, кому нужны эти художники, — нужны эти поэты и наоборот, эти поэты зовут воображение в тот мир, какой воссоздает кисть этих художников.

<...>

А эстетикой без эстетизма и представляется мне теория «мифотворчества», предложенная Вячеславом Ивановым и родившаяся после долголетних усилий мысли и веры под сводами больших книгохранилищ запада в голове у этого настоящего «русского скитальца», этого нового «Алеко», по терминологии пушкинской речи Достоевского. Первое откровение теории мифотворчества ведь эти слова:

Взгрустит кумиротворец-гений
Все мрамор сечь и глину мять...⁶

То, что дорого, что важно для судеб русского искусства в трудных, своеобразных, в ученых, таинственно-мудрых теориях Вячеслава Иванова, то, что всего ценнее в его творческих порывах, сначала согласившихся идти в сочетании со взглядами рационализировавшего наставления старца Зосимы «зачинателя факелов» Чулкова с его «мистическим анархизмом»⁷, как назначения искусства с родным нам и глубоко засевшим в сердце стремлением к Поэзии — Слову благодати. Только слепой не может не видеть этого. Только тот, кто не хочет понять, может отрицать это.

Вячеслав Иванов погрузился в классическую древность, там, на западе, без помощи и содружества долго работал над откровением античной мифологии, изучал и раскрывал тайны религии страдающего бога, жил космополитом — ученым, европейцем. Многоязычным, своим и в Италии, и в Германии, но он всегда возвращался мыслью на родину, даже никогда не покидал ее и думал с нею и для нее. Это о своем собственном уме поведал он в своих стихах «Русский ум», своем собственном, потому, что ум его, космополита и классика, — русский ум.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,

Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь, мгле⁸.

Термин мифотворчество смущает тех, кто при слове миф не вспоминает ничего, кроме своих гимназических сведений о поэзии древних. Он смущает еще тех, кто остался на точке зрения эстетики без эстетики, и потому смешивает искусство с религией. Оттого не хотят понять самого главного, что заставило Вячеслава Иванова принять именно этот термин. Долгие годы эстетика не могла превозмочь немецкого идеализма. Он тяготел даже над Чернышевским, построившим эстетику Фейербаха. Только творчество идей. Ничего более. Даже эстетика Ницше не могла сделать ни шагу дальше идеалистической эстетики. Разве творчество идей-настроений, идей лишь предвкушаемых, наводящих, ещё не выраженных? Этому научил символизм. Для Вячеслава Иванова этого должно было оказаться слишком мало, потому что чаяния русского искусства и те не могли удовлетвориться идеализмом, созданием только идей. И вот явился термин иной, явилось древнее, убеленное сединами. Явился миф.

Но разве миф всегда и необходимо древен и дряхл, разве он мыслится только позади? Да, миф о «Золотом веке» когда-то там, в глубине веков, о золотом веке, навсегда миновавшем, это — миф древний. Но разве нет живого и трепетного вполне современного мифа о том же «золотом веке» в будущем? Как назвать это представление, заставляющее поступать, стремиться, гибнуть, представление живое и живительное? Мне кажется, его несомненно можно назвать мифом, а тогда отчего не говорить и о *современном мифотворчестве*, отчего не восхотеть вместо одного только *Нового Слова* еще и *Нового мифа*, трепетно зовущего к поступкам Логоса не только в раздумье, но и в воплощенье!

1908

